

10 декабря на очередном заседании семинара с докладом «Сочетаемость научного термина в аспекте проблем авторской лексикографии» выступила д.ф.н. **Л. О. Чернейко** (МГУ им. М. В. Ломоносова).

В соответствии с общепринятым пониманием научного термина этот знак служит для обозначения специальных предметов, явлений, их свойств и отношений, а научный язык представляет собой прежде всего совокупность терминов той или иной сферы знания. Помимо номинации *научный язык* вербальные средства научной сферы обозначаются и такими аналитическими единицами, как *научный стиль*, *научный дискурс* и *язык науки*. Термин *язык науки* представляется наиболее адекватным самой науке, поскольку объединяет и язык-код, существующий на правах подсистемы литературного языка, и научную речь, а такие выделяемые науковедением параметры науки, как ее независимость от национальных языков, общезначимость и безличность, вызывают сомнение и требуют доказательств.

Исследование терминологических тезаурусов показывает, что основной корпус терминологии любой научной области представлен именами существительными, а среди них наибольший процент составляют имена абстрактные (*множество*, *бифуркация*, *сознание*, *частотность*, *кульминация*, *построение*, *свойство*, *инерция*, *водность*, *экземплярность*) при условии обязательного разграничения термина и номенклатурного обозначения. Что касается прилагательных, то они либо дублируют семантику существительного, являясь их дериватами, либо входят в состав аналитических терминов (*эйдетический образ*, *солнечное сплетение*, *солнечный ветер*). Что касается глаголов, то большая их часть выступает в речи как экспликатор описательных предикатов (*устанавливать связь*, *соотношение*, *происхождение*; *приводит к возникновению*, *к гибели*, *к нарушению*, *к раскрепощению*), в которых основная смысловая нагрузка приходится на имя существительное, а глагол, по мнению многих исследователей, выполняет сугубо грамматическую роль.

Отличие абстрактного имени (АИ) от предметного имени состоит в его особом семиотическом статусе – за АИ стоят умопостигаемые (абстрактные) сущности, что обуславливает «запрограммированность» как диалогичности АИ, так и его сочетаемости с вторичными предикатами [Чернейко 2010]. Именно семантическая специфика АИ-термина обуславливает присутствие общеизвестной глагольной лексики в научных текстах, которую наука вынуждена заимствовать из общелитературного языка. Несмотря на презумпцию объективности научного знания, наука неотделима как от других видов познания, так и от других присущих культуре форм творчества, а главное, она неотделима от обыденного сознания и языка, являясь в большой степени преодолением первого и продолжением второго.

Способ рассуждения об абстрактных объектах в научной речи, так же, как и в естественном языке, находится во власти не только формальной логики, но и символизации, которая отражает гипотетическое знание о мире, т. е. представления. В начале XX в. В.И. Вернадский, создатель новой научной дисциплины «наука о науке», или науковедение, особое внимание уделил научному мировоззрению, творящему «формальную действительность», т. е. такое «представление об окружающем, которое вытекает из исследования его научными приемами в связи с работой логики и теории познания» [Вернадский 1997: 19], именно «представление», а не верифицируемое знание.

Абстрактные сущности как фрагменты недоступного чувственному восприятию мира открываются познающему субъекту только в их проекции на элементы его эмпирического опыта, что обеспечивает сущностям наглядность, а субъекту – возможность рассуждать о них, строить теоретические модели [Чернейко 2009 (а)]. Языковой формой представления этих проекций является когнитивная метафора, кодирующая результат познания неизвестного через его проекции на известное, отражая в научной речи глубину взаимодействия познающего сознания, интенционального объекта и языка [Чернейко 2009 (б)]. В любой сфере науки неизвестного всегда больше, чем известного, постольку велик удельный вес метафорически представленного знания, о чем свидетельствуют наблюдения естествоиспытателей, изучающих не только свой природный объект (гены и хромосомы), но и язык его описания [Седов 2000]. Языковой формой представления этих проекций является метафора. О метафоре в науке сказано очень много, но о метафоре номинативной, т. е. о возникших на базе метафоры терминах (*солнечное сплетение, мерцательная аритмия, хромосомный мост*). Однако о метафорах имплицитных, где присутствуют скрытые проекции неизвестного на известное, направляющие имя неизвестного, речь, как правило, не идет.

А. Белый одним из первых заговорил о необходимости составления авторского словаря с учетом «статистики» употребления слов [Белый 2001: 480]. Если говорить о М.В. Ломоносове, то его вклад в становление отечественной науки оценен по достоинству. Работы ученого в самых «нестыкуемых», с точки зрения современной дифференцированной науки, областях специального знания изучены носителями этого знания. Однако, как представляется, далек от завершения такой аспект изучения наследия Ломоносова, как его научная речь, его тексты гуманитарной и естественнонаучной направленности, относящиеся к тем сферам, где он был первопроходцем и не имел отлитых в культуре образцов рассуждения о своих научных предметах. На несколько столетий опередил Ломоносов понимание того, что интуитивное, дологическое, синтетическое и в научном творчестве предшествует рациональному, аналитическому [Чернейко 2011].

Выражение мысли осуществляется через комбинаторику тех единиц и по тем правилам, которые являются всеобщими. Однако оригинальность мысли и самобытность мышления проявляются не как воспроизводство смыслов, а как их производство, что находит свое выражение в нетривиальной сочетаемости слов. Совершенно очевидно, что та картина мира, которая представлена в языке, существенно отличается от той, которая выражается посредством языка, т. е. в речи. Когнитивная индивидуальность языковой личности исследователя проявляется в наличии у него собственной научной картины мира, собственного видения и специфической концептуализации интенционального объекта, особенностей его устройства и функционирования, специфическом ранжировании присущих интенциональному объекту свойств.

Как отмечает Л.Л. Шестакова, в настоящее время авторская лексикография развивается преимущественно как писательская, постепенно пополняясь словарными интерпретациями нехудожественных авторских текстов языковых личностей иного рода – ученых, политиков, публицистов [Шестакова 2012] («Словарь языка Александра Лебеда», «Словарь Л.С. Выготского»; ср. также «Словарь-справочник “Минералогия М.В. Ломоносова”»). Совершенно согласна с тем, что словарный метод в изучении текстов философов, ученых, политиков, религиозных, общественных деятелей и т. д. способен давать нетривиальные результаты, но возможен он только на междисциплинарной основе. Составление авторского словаря лингвистов, где были бы отражены особенности их видения предмета, направляющие сочетаемость базовых терминов науки, считаю первоочередной задачей авторской научной лексикографии. На первых порах это может быть словарь регистрирующего типа.

Литература

- Белый А.* Из книги «Поэзия слова»: Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика: антология. – М., 2001.
- Вернадский В.И.* О науке. Т. 1. М., 1997.
- Седов А.Е.* Метафоры в генетике (<http://www.metodolog.ru/00002/00002.html#>).
- Чернейко Л.О.* Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика: доклады XII международной конференции. Т. 1. М., 2009 (а).
- Чернейко Л.О.* Метафизика и поэтика в научном идиолекте // Филологические науки. 2009. № 3 (б).
- Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 2010.
- Чернейко Л.О.* М.В. Ломоносов и язык науки // Филологические науки. 2011. № 6.
- Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. АДД. М., 2012.